

жательное несоответствие одних и тех же специальных единиц, используемых различными исследователями. Для понимания системы взглядов ученого необходимо знать не только состав его терминов, но и их трактовку. Ю. В. Рождественский обращал внимание на то, что научные термины, принадлежащие науке в целом, постоянно переопределяются в научных сочинениях. Термином «фонема» пользовались А. И. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский и другие ученые. В текстах их сочинений определения этого термина различаются по содержанию. Отталкиваясь от объективных, сущностных признаков терминируемых понятий, различные исследователи производят индивидуально-специфическую оценку аспектов этих понятий и субъективное выделение и отбор наиболее значимых признаков.

Наряду с этими субъективными факторами, О. С. Ахманова отмечала объективные факторы асимметричности плана выражения и плана содержания в сфере лингвистической терминологии. К ним она относила полисемию, синонимию и дублетность специальных единиц. Д. С. Лотте кроме того выделил в числе «нежелательных» свойств терминов категориальную многозначность, когда в пределах одной и той же предметной области знаний одна и та же языковая форма используется для обозначения операции и ее результата, процесса и явления, объекта и его описания. Очевидно, метаязык предметной области, подчиняясь языковым законам, не может избежать асимметричного соотношения плана выражения и плана содержания. Абсолютная однозначность, точность значения, полное исключение синонимии находятся в глубоком внутреннем противоречии с той эвристической ролью, которую термины выполняют в процессе развития научного знания (В. В. Колесников). Преодоление неоднозначности при восприятии научной речи Н. И. Жинкин прогнозировал путем «углубления в специфические предметные отношения».

## **Н. В. Угринович**

### **ИЛЛОКУТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РАЗДЕЛЕННОГО ВОПРОСА (на материале немецкого и белорусского языков)**

Несмотря на давнюю историю изучения вопроса в лингвистике все еще остаются «белые пятна», требующие анализа как самой типологии вопросов, так и некоторых типов вопроса с коммуникативной точки зрения. Так, например, разделенный вопрос, который является неотъемлемым естественным элементом диалогической речи, до сих пор не подлежал в немецком и белорусском языках детальному рассмотрению.

Разделенный вопрос представляет собой линейное двухсегментное образование, в котором каждый из сегментов является довольно автономным, однако коммуникативный смысл реализуется только в их сочетании: соединении невопросительного сегмента и морфологически независимого (в отли-

чие от английского языка) присоединительного вопросительного элемента: *Мы расстанемся сябрамі, ``так? < > Мы расстанемся сяб``рамі? < > Мы расстанемся сяб``рамі.* Целью данной работы стало выявление иллокутивной направленности данного типа вопроса в немецком и белорусском языках. В ходе исследования были проанализированы 270 диалогических единства на немецком языке и 210 на белорусском. Разница в количественной представленности объясняется меньшей частотностью разделенных вопросительных структур в белорусском языке на одинаковый объем текстового материала. Для определения их прагматических функций использовалась методика трансформационного анализа.

С точки зрения теории речевых актов вопрос является речевым действием, направленным на получение говорящим *неизвестной* ему информации. Свое речевое действие говорящий рассматривает как попытку побудить слушающего сообщить искомую информацию (Searle 1969). Вопросительная ситуация при этом имеет следующие характеристики: а) говорящий не знает ответа, б) он хочет знать ответ, в) он считает, что слушающий знает ответ, г) говорящий считает, что слушающий захочет дать ответ. Разделенный вопрос соответствует характеристикам вопросительной ситуации только в следующем аспекте: говорящий считает, что слушающий захочет дать ответ, неизвестная адресанту информация (о месте, времени, источнике, деятеле, качестве, свойстве, образе действия и т.д.) отсутствует.

Иллокутивная сила вопроса заключается, таким образом, в *запросе* информации. Способом достижения этой цели выступает вопросительный модус высказываний-предложений, который в разделенной структуре выражен отношением к пропозициональному содержанию высказывания (уверенность, сомнение), что оформляется восходящей мелодией в присоединенном элементе. Наряду с вопросительным сегментом вопросительный модус может находиться и в первой части, если первая часть вопроса передает уверенное предположение, оформленное эксплицитно модальными словами (*gewiss, sicher, wohl, bestimmt, natürlich, пэўна, магчыма, верагодна*), глаголами в форме условного наклонения, а также модальными глаголами, что отмечается в 38 % от всей выборки в немецком и 21 % в белорусском языке: „*Es ist **natürlich** alles abgemacht, nicht wahr? – „Genau“* (E. M. Remarque „Drei Kameraden“) ‘Все, конечно, уже решено, не так ли? – Точно.’

Как любое вопросительное высказывание, разделенный вопрос выступает косвенным средством оформления различных речевых актов, кроме поведенческих актов декларативов, комиссивов и экспрессивов. Так, разделенные вопросы используются в обоих языках в роли косвенных *директивов* для выражения просьбы, указания, рекомендации и т. д., поскольку представляют смягченную форму категоричного требования и допускают возможность несогласия собеседника, например:

(нем.) *Hagemann: Lesen Sie doch mal bitte vor, ja?! – Hallo!*

*Montag: – Ich glaube... Ich meine... Das kann ich nicht.* (M. Rinke. „Republik Vineta“) ‘Хагеман: Читайте же просто вслух, да? – Montag: Мне кажется... Я считаю... Я не могу’.

(белорус.) – *Дак от, сядзі не дыш, калі хочаш быць цэлаю, ясна? І калі яму добра хочаш!*

*Ганна адказала спакойна, дзёрзка: – Чаго ж, зразумела (І. Мележ. «Людзі на балоце» )*

В таком случае первая часть вопросительной структуры может иметь морфологическую форму побудительного наклонения (39 % вопросов данного речевого акта в немецком языке и 17 % – в белорусском) и в немецком языке содержать частицу *bitte* ‘пожалуйста’: Мы считаем возможным отнесение таких конструкций к разделенным вопросам, поскольку пунктуационно они оформлены как вопрос:

*Habilitand: Lass uns bitte nicht im Stich, ja?*

*Dissertant: (beim Telefon zu sich) Jetzt wird es aber unheimlich. (zu den anderen) Das Telefon funktioniert nicht (R. Wolf. „Frankfurt – New York oder Das Einstein-Podolky-Rosen-Experiment“)* ‘Докторант: Не оставь нас, пожалуйста, в беде, да? Диссертант: (у телефона сам себе) Это уже чересчур. (обращаясь к другим) Телефон не работает’.

Разделенный вопрос служит средством выражения эмоций и отношений говорящего к сложившейся ситуации. Оформляя *экспрессив*, он содержит в своем вербальном составе лексические единицы оценки (*wunderbar, klasse, prima, hervorragend, so schön, so hübsch, viel besser, дужа, вельмі цікава, вельмі хораша, вельмі прыемна*). Реакцией на данный речевой акт является подтверждение, оформленное синонимичными оценочными словами:

*Tanzfläche, und eine hübsche schlanke Tänzerin wirbelte über das Parkett.*

*„Wunderbar, was?“, fragte er und klatschte.*

*„Hervorragend!“ Kern klatschte mit.*

*„Die Musik ist großartig, nicht wahr?“*

*„Erstklassig“ (E. M. Remarque. „Liebe deine Nächsten“)* ‘Танцпол, и хорошенькая, стройная танцовщица кружилась по паркету. «Прекрасно, не так ли?» – спросил он и зааплодировал. «Превосходно!» – Керн тоже аплодировал. «Музыка чудесна, не правда ли?» – «Первоклассная?».

Отметим, что в немецком языке разделенный вопрос в функции *экспрессива* занимает позицию вопроса-стимула в диалогическом единстве, в то время как в белорусском языке в большинстве случаев (78 % вопросов данного речевого акта) он является одним из звеньев в вопросительной цепочки и служит для передачи эмоциональной реакции не на предыдущую реплику, а на сложившееся положение дел в целом. При этом на тип речевого акта указывает описание ситуации: *Некукарэка (здзіўлена): Гэта... наш, ці што? Які быў на тры вярышкі ад зямлі? Гэта... той?* (В. Ткачоў. «Дзе жыве Некукарэка?»)

Разделенный вопрос выражает косвенный *репрезентатив*, информируя собеседника о некотором положении дел, предоставляя собеседнику возможность не согласиться с высказанным предположением, выразить свое негодование либо усомниться в достоверности сказанного:

(нем.) *Ich zog ein Paket Zigaretten aus der Tasche. „Abends braucht man welche, was?“ Sie nickte.* (E. M. Remarque. „Drei Kameraden“) ‘Я вытащил упаковку сигарет из кармана. «Вечером необходимы несколько, не так ли?» Она кивнула’.

(белорус.) *РАЗЛІІ: Але адкажы мне, чаму цябе пасадзілі і трымаюць пад замком? Ці можа ты здзейсніла нейкае злачынства ці зладзейства? Вось гэта мяне цікавіць. Так проста ніхто не пасадзіць нікога ў хату пад замок. А?*

*ГОЛАС МЫШЫ: Што ты, што ты. Мяне тут трымае адзін чарадзеі (В. Ткачоў, С. Чыгрын. «Зачарованая хатка»).*

Отметим, что в немецком языке в экспрессивах присоединительный элемент парцеллируется лишь иногда (3 % от всей выборки), а в белорусском языке он выносится в парцелированную синтаксическую структуру почти в 1/5 выборки.

Таким образом, разделенный вопрос в немецком и белорусском языках может актуализировать различные иллокутивные силы, сохраняя исходную вопросительную иллокуцию, выраженную присоединенным элементом. При этом иллокуция вопроса более типична для немецкой разделенной структуры, о чем свидетельствует частотность использования в нем средств эпистемики, которые оформляют также и вопросительный модус. Отмечаются несовпадения в частотности употребления различных речевых актов в двух языках: наибольшей частотностью отмечены *директивы* в немецком языке (18 % от всей выборки) и *экспрессивы* в белорусском (19 % от всей выборки). В зависимости от иллокутивной направленности первый, невопросительный, сегмент оформляется различным образом. Побуждение к ответу посредством разделенного вопроса оказывается успешным, о чем говорит реакция собеседника, которая фиксируется ответом «да / нет» в 73 % в немецком языке и в 87 % в белорусском языке или невербальным согласием с услышанным.

## **В. В. Устинович**

### **К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА ЛОКАЛИЗАЦИИ ЯДЕР КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ФРАНЦУЗСКОГО УСТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЕЕ МАРКИРОВАННОСТИ**

На сегодняшний день существует большое количество исследований и экспериментов, в том числе и на материале французского языка, задачей которых является решение вопросов, связанных со взаимодействием коммуникативной структуры (КС) высказывания и синтаксиса, соотношением синтаксических и просодических границ в высказывании, выражением дополнительных коннотаций с помощью просодических средств (С. Брише, В. Оберже, 2002; Р. Годемен-Берлин, 2014 и др.). Многие из современных